УДК 159.9.01

А. А. Фёдоров, **А. И. Васильев**

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: fedleks@yandex.ru; alinvasiliev@gmail.com

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: 20 000 ЛЬЁ ПОД ВОДОЙ (ОКОНЧАНИЕ) *

В диалоговой форме рассматривается проблема психической реальности в контексте связанных с нею проблем.

Ключевые слова: психическая реальность, материальное, идеальное, дуализм, монизм.

Г-н Невежество: И вновь мы, разбив лагерь у окаймленных серым туманом берегов Неведомого, ведем неспешную беседу о сущем. В поисках природы психической реальности мы задались вопросом, что есть такое реальность вообще, и задались столь добросовестно, что само существование какой-либо реальности превратилось в проблему. Проблему, которая для своего решения требует ответа на вопрос о человеческих познавательных возможностях и, если шире, о природе психического…

Презрев режущую глаза сочность феноменов, предстающих перед нашим взором во всех возможных ипостасях бытия, и водрузив на голову колпак гносеологического оптимизма, окунемся же, друзья мои, в поиск новых догадок, – ибо, по моему разумению, лишь только одна счастливая догадка позволит нам, вдруг соединив противоречивые данные опыта и мышления, разорвать этот злосчастный познавательный круг.

Г-н Сомнение: Согласен, мой друг. Гносеологический пессимизм – Харибда, готовая поглотить любого, кто пытается познать сущность реальности. Как легко избежать смертельной хватки этого чудища – стоит лишь признать, что реальность есть и мы, простые смертные, способны познать ее. Но с какой готовностью многие приветствуют кажущуюся непостижимость мира и с непонятной мне радостью погружаются в пучины необузданного скептицизма. И обоснованное сомнение, будучи неизбежным спутником любого ученого, теряет свою умеренность и превращается во врага истины, да столь злого, что уже пора усомниться в необходимости сомневаться (а мне приходится задуматься о смене имени).

Что же это за счастливая догадка, которая служит для тебя, мой друг, столь щедрым источником оптимизма?

Г-н Невежество: Ох, и многотрудная это задача – пытаться превзойти тех, кто жил и мыслил до тебя! Но требования скромности велят мне взвалить на плечи эту нелегкую ношу и продолжать их великое дело – познавать природу Реальности. А посему – позволь мне, друг мой, рассказать об идее, пришедшей мне в голову за завтраком.

Что такое реальность окружающих нас вещей, что позволяет нам в быту приходить к согласию относительно их существования? Не только то, что мы можем видеть их одномоментно несколькими парами глаз, хотя и это, надо заметить, немаловажно. Но и то, что они со всей очевидностью занимают разное место в пространстве, иными сло-

* Начало и продолжение дискуссии см.: [Фёдоров, Васильев, 2011; 2012; Розова, 2012].

© А. А. Фёдоров, А. И. Васильев, 2013

вами, имеют разное положение в системе координат великого Декарта – философа и математика, много размышлявшего о природе сущего и о наших познавательных возможностях. Таким образом, мы со всей определенностью можем заявлять о существовании вещей, чьи координаты мы можем путем измерения определить. Существуют наши тела, журналы и магазины, и Солнце, и воздух.

Но для современных нам наук о природе немаловажно и иное измерение бытия – временно́е. Физики говорят о многих пространственных измерениях, упоминают они и временно́е, увязывая его с пространственными в единое пространство-время. Так вот, что нам мешает сказать, что психическое, в отличие от нереального, существует в координатах времени, не имея координат в пространстве?

В самом деле, если единороги нереальны, поскольку нельзя со всей определенностью указать направление их поиска – как в пространстве, так и во времени, – то наши представления о единорогах вполне реальны, поскольку они, пусть не меняясь в пространстве, изменяются во времени. Более того, этот процесс вполне измерим в любых единицах летоисчисления. Таким образом, реально все, что можно измерить хотя бы в одной координате единого пространства-времени, пусть даже этих координат окажется всего четыре.

Думается мне, что таковой подход позволит замечательно продвинуть наши методы психологического исследования. Но перед тем как я приступлю к изложению своих мыслей в этом направлении, позволь уточнить у тебя, как человека в науках сведущего, – оригинальны ли мои размышления, не было ли подобное уже поведано нам одним из великих мужей древности?

Г-н Сомнение: Предчувствия не обманули тебя, мой скромный друг. Знай, во взглядах своих ты не одинок и разделяешь их с достойными мужами. Досточтимый Картезий, которого ты уже упомянул, решал проблему бытия ментального схожим образом. Тела, по его мнению, существуют во времени и пространстве, а вот в умах нет ничего телесного, они не обладают протяженностью, а потому пребывают только во времени. Вспомню и нашего современника, оксфордского философа Стивена Приста, который также считает, что ментальные события темпоральны, а физические имеют и пространственные, и временные характеристики.

Но вот что смущает меня, прожженного мониста и скептика. Как может нечто существовать, не будучи представленным в пространстве? Разве допускает современная физика разрыв единого целого, которое мы называем пространственно-временным континуумом? И уж если такой разрыв возможен, то не могут ли существовать вещи, обладающие только пространственными характеристиками? Представляется мне, что это абсурд, и равный абсурд заключается в том, чтобы допускать бытие вещей вне какого-либо пространства. Даже точка, самый очевидный нульмерный объект, каким-то непостижимым образом существует в пространстве. А наши мысли, наши чувства разве не сопряжены с конкретным пространством? И разве модификации этого пространства, включая, к примеру, разрушение мозговой ткани, не влияют на те наши свойства, которые мы причисляем к ментальным? К тому же, как только мы лишим наш ум пространственных качеств, мы встанем перед проблемой взаимодействия телесных и бестелесных явлений, для решения которой многим философам приходится допустить существование еще более невероятной вещи, нежели внепространственные феномены, – бога. Бритва Оккама требует от меня признать такие объяснения несостоятельными, а потому я убежден в том, что если нечто существует, то оно существует и во времени, и в пространстве.

Г-н Невежество: Ну что же, мне остается только еще раз удивиться мудрости Картезия и подивиться тому, насколько большим на меня влиянием он пользуется… Как бы то ни было, скажу пару слов о роли «временного измерения» в психологическом исследовании. В истории психологии я могу усмотреть лишь одно положение, могущее претендовать на роль непреложного закона и служить опорой в научно обоснованном прогнозе, – закон Вебера – Фехнера. Именно он позволяет *измерить* некоторую истинно психологическую величину (интенсивность ощущения), не прибегая к речевым отчетам, так непреодолимо разнящимся от испытуемого к испытуемому в разных обстоятельствах. Можно заметить, что закон этот не предусматривает обращения к степени влияния одного тела на другое, он

лишь указывает на изменение временных характеристик (интенсивность позволь к таковым отнести) отдельно взятого явления психической жизни под влиянием другого явления, относящегося к привычному, измеряемому физически миру, в чьей реальности мы можем не сомневаться, несмотря на наличие разных версий одного и того же тела или ситуации «в» наших головах. Если считать реальным то, что может стать причиной либо следствием, реальность психических явлений, похоже, может быть установлена лишь по времени-интенсивности их протекания (вкупе с зарождением и исчезновением) в некой связи с явлениями привычного «пространственного» мира. А отсюда лишь один шаг до того, чтобы признать «непространственность» бытия психических явлений и вооружаться секундомером и линейкой вместо картинок и бумажных строчек, предъявляемых экспериментатором в ярко освещенных стенах психологической лаборатории.

Г-н Сомнение: Позволь обратить твое внимание на следующий весьма показательный и забавный для меня факт. Даже ратуя за непространственность психических явлений, ты призываешь вооружаться не только секундомером, но и линейкой, древнейшим инструментом, с помощью которого еще древние египтяне измеряли *пространственные расстояния*. Да и отнесение интенсивности к временным характеристикам весьма сомнительно для меня. Нельзя описать интенсивность вне пространственных отношений, как, кстати, и вне временных. Собственно, это вновь возвращает нас к тому, что любой феномен пребывает в пространстве-времени, а само время неотделимо от пространственных измерений. Обращение к закону Вебера – Фехнера мало что проясняет. Как ты помнишь, он связывает интенсивность раздражителя с интенсивностью ощущения. Вряд ли мы при этом скажем, что интенсивность раздражителя исключительно временной параметр – он имеет отношение и к пространственным, и к временным характеристикам. Например, интенсивность звука измеряется в ваттах на квадратный метр. Таким образом, она включает в себя и пространственные, и временные единицы (учтем, что ватт – производная единица, определяемая через килограммы, метры и секунды: кг·м²/с³). Почему же мы должны обращаться иначе с интенсивностью ощущения? Почему она должна указывать лишь на время, но не на пространство?

Г-н Невежество: Только линейкой вооружается искатель пространственных величин, в то время как истинный психолог века грядущего в фантазиях моих держит в правой руке хронограф, а показаниями линейки пользуется лишь изредка, желая установить характер непсихических следствий и причин психического или пытаясь измерить расстояние пробега стрелки на все том же хронографе. А интенсивность ощущения не есть то же самое, что интенсивность звука, поскольку мы не можем ухватить пространственную составляющую интенсивности ощущения. Таким образом, по моему разумению, следует признать интенсивность ощущения величиной непространственной, что означает либо то, что она целиком относится ко времени, либо также и к иной координате, родственной пространственной или нет. Пока я собираюсь с мыслями, пытаясь подготовить ответ на основные положения твоей критики, позволь отвлечь твое внимание упоминанием в контексте нашего разговора апорий Зенона. Крайне примечательный факт человеческой мысли, соединяющий воедино и пространство, и время. Может быть, именно в них таится ключ к разгадке тайны психического, коль скоро они демонстрируют нам некоторые особенности человеческого восприятия времени и пространства? Не оно ли ограничивает нас в наших поисках конечной истины?

Г-н Сомнение: Могу лишь склонить голову в знак уважения пред многомудрым Зеноном, чьи эпихейремы до сих пор волнуют умы человечества. Он показал поистине важную вещь: наши логические реконструкции устройства реальности часто несовершенны и разбиваются о факты опыта. Это, кстати, прекрасная демонстрация того, что мы не создаем реальность, а лишь пытаемся понять ее, медленно, порой мучительно медленно, совершенствуя наши представления о мире. И сколь труден этот путь, ведь и опыт – не самый надежный спутник. Как часто лгут нам наши чувства, как несовершенны они и как беспомощны бывают порой перед самыми простыми вопросами! В несовершенстве наших чувств и разума – вся драма познания и вся его невыразимая прелесть, ведь только благодаря их несовершенству жизнь полна тайн, а путь к их разгадке поистине бесконечен. И бес-

конечность такого рода я могу лишь приветствовать!

Г-н Невежество: Особенность психического в том, что оно не *взаимодействует* с телами в пространственных координатах, но действует на них и претерпевает их воздействие. Особенность взаимодействия тел в том, что они претендуют на одно и то же пространство, и исход их соперничества зависит от сил притяжения и отталкивания, коими они проникнуты в силу своего природного устроения. Нет свидетельств тому, что психика способна проникать в тела, перетекать из одного положения в другое или перемещать что-либо, быть вытеснена из какого-либо места в другое. Она не имеет массы и поэтому не может участвовать в известных нам физических взаимодействиях, равно как и иметь локализацию в пространстве. Вместе с тем душа наша может испытывать страдания при виде занесенного над нами топора так же, как и неведомым образом вызывать к жизни действия, разнимающие этот топор на части посредством движения рук. Связь между психическим и сугубо материальным в привычном нам смысле существует лишь во времени, но никак не в пространстве. Угасание сознания есть лишь *следствие* разрушения мозга, но само сознание в этот момент не разрушается в том же смысле, что и мозг. Думаю, будущее развитие науки покажет нам, каким образом *то же самое* сознание можно восстановить в своих правах на другом материале.

Важный момент – доступность нам собственного внутреннего мира, его самостоятельное бытие (доказательством тому служат сновидения), и в то же время недоступность опыту психической реальности другого человека (и не-человека тоже: кто сказал, что придорожный камень лишен всякого чувства?) – приводит к развилке: признаем ли мы реальность того, что не можем поверить ни разумом, ни чувством? Ведь всегда можно представить, что в этом мире мы совершенно одиноки (в отличие от того, что нас нет: тому противится как чувство, так и разум). Не так важно знать, существует ли мир, сколь понимать, кем он населен.

Г-н Сомнение: Нет, мой друг, не могу с этим согласиться. Нельзя пребывать исключительно во времени, все существующее имеет пространственно-временную структуру. Как можно допускать, что непространственная психика каким-то непостижимым образом действует на пребывающие в пространстве тела? Каков механизм такого действия? И почему это действие ограничено конкретным материальным телом? На данный момент я знаю лишь один непротиворечивый ответ: любая психика и есть конкретное материальное живое тело.

Более того, наши представления о физическом устройстве мира весьма несовершенны, и нельзя отрицать возможность того, что со временем могут быть идентифицированы материальные носители психического (если допустить, что психика не тождественная телу ее носителя). Да и со сновидениями не все так очевидно. Множество логических путаниц (начиная с проблемы осмысленного произнесения фразы «Я сплю», которая при этом была бы истинной) разбираются в превосходной книге Нормана Малкольма «Состояние сна».

В конечном счете, вообразить мы можем многое. Вероятно даже, что у камней случаются множественные расстройства личности. Но проблема не в том, что мы можем представить; проблема в том, что есть на самом деле.

Г-н Невежество: На самом деле? Всего лишь вопрос веры. Ни разум, ни чувство не могут быть гарантом истины, ибо способны обманывать нас на каждом шагу, и с успехом этой возможностью пользуются. Однако порой, в исследовательских целях, мы притворяемся, что нечто дано нам в своем истинном виде, и это позволяет нам мыслить последовательно. А порой и забываем о конвенциональности принятых аксиом. То, что тело не может существовать вне пространства, – лишь одна из них. Кто обладает могуществом доказать это, сам не обладая в наших глазах доказанным существованием?

Если тезис о пространственности всего сущего верен, если все есть тело или его часть, то как быть с психикой? Предоставить ей иное число пространственных измерений. Подобно двумерной картине на дагерротипе, психика существует в нашем многомерном мире как тело, обладающее лишь одной пространственной координатой (что выводит ее за пределы известного нам пространства) и одной либо несколькими временными координатами. Вот, действительно, единственный непротиворечивый

ответ, ведь я не могу принять, что психика есть трехмерная нервная система (или ее двумерный аналог, двумерная амальгама в трехмерных извивах нервной ткани).

Кстати, я был бы не прочь предоставить прекрасной незнакомке на экране моей пишущей машины временную координату. Уверен, мы бы нашли возможность объясняться друг с другом, если бы только я мог вдобавок сотворить для нее мономерное тело и прикрепить его к двумерному, дав ей таким образом сознание.

Г-н Сомнение: Опять, мой друг, снедаем ты Харибдой гносеологического пессимизма. Я же отринул его, как отрину и дождевик в яркий солнечный день. Как удобно сказать, что все есть вопрос веры (и как часто клерикалы пользуются этим аргументом). Но есть и другое слово: *убеждение*. Если угодно, мы может представить ложь и истину как два полюса континуума, на котором может быть расположено любое утверждение. И в этом смысле, одно утверждение может быть более истинно, чем другое, а весь корпус научного знания постепенно становится все более истинным. Вообще, оперирование такими понятиями, как ложь и истина, подразумевает, что каким-то образом мы может отличить одно от другого (быть может, не сразу, но со временем точно). И когда мы говорим, что разум и чувства лгут нам, это значит, что мы способны проводить процедуру верификации полученных от них данных. И здесь я снова возвращаюсь к убеждениям: в отличие от веры, убеждения о природе реальности могут быть оценены с точки зрения их истинности (или ее степени). Скажем, вероятность того, что между Землей и Марсом парит фарфоровый чайник Рассела, контролирующий жизнь каждого из нас, стремится к нулю. А вот вероятность того, что в момент написания этих слов я пишу эти слова, стремится к единице.

И возвращаясь к психике. Какова вероятность того, что могут быть непространственные физические тела? Пока свидетельств их существования нет, она практически нулевая. Есть ли свидетельства существования психики вне тела? Нет. Может ли телесное неразрывно сочетаться с бестелесным? Механизм такой связи настолько фантастичен, что с большей вероятностью можно предположить, что психическое и есть телесное. Или, более точно, телесное, описанное специфическим образом. Итак, точка зрения, которую отстаиваю я, может быть названа натуралистическим монизмом.

Г-н Невежество: Увы, пока мы не имеем доступа к конечной истине, нельзя иметь уверенность, что нечто является более истинным, чем другое. Убеждения изменчивы, и изменчивость эта имеет мало общего с эволюцией, скорее наоборот. Тем не менее, мое представление о физическом существовании психики помимо того, что мы привыкли понимать как ее материальный субстрат, кажется мне весьма плодотворным. Это не шутка. В самом деле, если психика не равна этому субстрату – а противное приводит нас к вульгарным представлениям о секреции мыслей и тому подобном – то, будучи явлением реально существующим, психика обязана быть частью природы, если мы желаем избежать дуализма, ведь так? И вот он – логичный вывод: психика есть тело особого рода, не обладающее протяженностью (повторюсь – свидетельств противоположного нет), но длящееся во времени (есть двумерные и трехмерные тела, тела изменяющиеся во времени и неизменные (точка, которой в существовании не отказываю и я) – почему бы и не быть телам, имеющим при временно́й компоненте лишь одно или нуль пространственных?). Психическое есть телесное. Вопрос о количестве измерений тут, в общем-то, второстепенный, как и вопрос о способе связи с наблюдаемым в мире вещей. Иного способа выбраться из этого тупика я не вижу. Психика не может существовать как информация или свойство, ведь если мы признаем это, то возвратимся на позиции средневекового реализма: абстрактные понятия существуют объективно. Либо присоединимся к представлению о том, что все сущее есть чья-то мысль. Разве нет?

Г-н Сомнение: Я все же буду настаивать на том, что мы можем полагать одну вещь более истинной, чем другую. Взять, например, суждения о длине объекта. Одни из них более точные, другие – менее (при этом почти всегда нет абсолютно истинных суждений, в которых сообщается абсолютно точная длина). Кроме того, если нельзя иметь уверенность о том, что нечто более истинно, чем другое, то и все беседы, подобные нашей, становятся бессмысленными.

Ты затронул вопрос о том, что нет свидетельств протяженности психики. Согласен.

Но отнюдь не потому, что она нульмерна. Нет свидетельств о ее протяженности лишь по той причине, что вообще нет свидетельств о ее существовании. И при всем этом – от *Я* не убежать…

Г-н Невежество: … и это лучшее доказательство его бытия. Пусть я – фантом, возникший в чьем-то воображении: твоем, моем или читателя, неважно. Из этого аналитически следует, что оно – это воображение – существует. Психическая реальность реальна как никакая другая. Природа этой реальности не может быть оторвана от материального мира, ибо это ведет к признанию существования несуществующего: бытие есть, небытия – нет. Признаться, меня немного страшит фантазия о бестелесном теле, но пока что я не могу предложить ничего лучшего. Допускают это ли законы мира – трудно сказать. Боюсь, для этого необходимо знание, которым я не обладаю. Но это бы многое прояснило и открыло бы блестящие перспективы, нечто великое и ужасное. Как знать?

Г-н Сомнение: Кругом ловушки языка… Безумно сложно рассуждать о небытии психического языком, который предполагает его наличие. Не приму твой логический трюк, в котором исходным пунктом выступает наличие воображения, а потом это и служит доказательством его наличия. Что-то в духе: пусть я – фантом, возникший в голове бессмертной космической черепахи, из чего аналитически следует, что бессмертная космическая черепаха существует. Говоря, что от *Я* не убежать, я лишь хотел сказать, что существует нечто, и существование этого нечто очевидно, но при этом совершенно непонятно. Ссылка на бестелесные фантомы ничего не проясняет в том, что есть *Я* (ведь очевидно, что даже если психические процессы не имеют телесной природы, наше Я – отнюдь не они). И вся загадка в том, как существует наше *Я* в мире, в котором все имеет пространственно-временну́ю природу. Включая и само Я…

Список литературы

Фёдоров А. А., Васильев А. И. Психическая реальность: 20 000 льё под водой // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2011. Т. 5, вып. 2. С. 132–137.

Розова С. С. Проблемы психической реальности (ответ господам Сомнение и Невежество) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2012. Т. 6, вып. 1. С. 86–95.

Фёдоров А. А., Васильев А. И. Психическая реальность: продолжая беседу // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2012. Т. 6, вып. 1. С. 96–98.

Материал поступил в редколлегию 19.02.2013

A. A. Fedorov, **A. I. Vasiliev**

PSYCHIC REALITY: **20 000 LEAGUES UNDER THE SEA (COMPLETION)**

Problem of psychic reality is considered in the paper in dialogue form within the context of related problems.
Keywords: psychic reality, complementarity, dualism, monism.